

Норштейн Ю.

19/11/88

19 МАР 1988

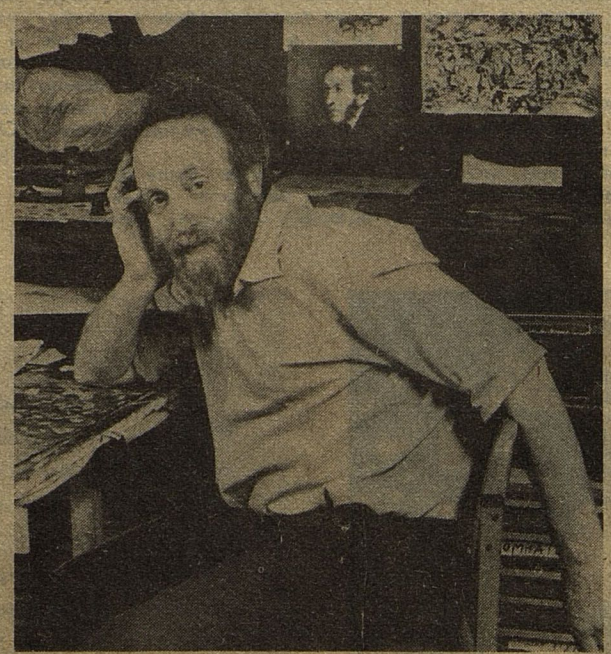
КОМСОМОЛЦ УЗБЕКИСТАНА
Г. Ташкент

КИНОЗВАЗ

КОМСОМОЛЦА УЗБЕКИСТАНА»

ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ МУЛЬТФИЛЬМА

На счету лауреата Государственной премии СССР режиссера-мультипликатора Юрия Норштейна не так много лент, но каждая из них — будь то «Ежик в тумане», «Цапля и журавль», «Сказка сказок» и другие, принесла автору ряд наград международных кинофестивалей, заставила даже специалистов по-новому взглянуть на возможности кукольного кино (хотя кукол в привычном понимании там нет). Что же позволяет каждому зрителю «прочитать» эти мультсказки по-своему, видя в них близкое и понятное именно ему?

— Юрий Борисович, в ваших фильмах явно ощущается попытка отойти от традиционной статичности изображения. Что толкает вас на поиск новых путей в мультипликации?

— Я чувствую в ней образность, близкую поэзии: мультипликация владеет понятием «неизобразенного». Для меня кино состоит из запахов, шумов, из того, что чувствуешь, слышишь. Привлекает мир, находящийся между кадрами... С самого начала работы в кино у меня зрело желание «разрушить» поверхность кадра, найти новое измерение, меня всегда не устраивало выработанное в нашей мультипликации понятие фона и персонажа как чего-то раздельного. Фон, на мой взгляд, должен стать драматургическим моментом. Почему, например, в «Ежике» в качестве среды я выбрал туман? Потому что туман — это тайна, чувство непознаваемого. Атмосфера тумана давала нам с художником Франческой Ярбусовой возможность избежать убийственной материальности, создать ощущение трепетности

и сиюминутности жизни.

— Вы часто используете необычные фактуры: кружева, старинные фрески, образцы народного лубка. Это тоже попытка уйти от «косязаемого»!

— Мне кажется, что когда мультипликация перейдет к конфликту поэтических понятий, ей откроются бесконечные возможности. Отсюда многократные наплывы в моих лентах, вереницы движений, оптические эффекты. В «Сказке сказок» этот прием использован только в сцене ухода на фронт.

— Признание «Сказки сказок» американской киноакадемией лучшим мультфильмом всех времен и народов, доказывает правомочность вашего метода...

— Если бы это еще помогало и в отношениях с администрацией «Союзмультфильма», а то столько сложностей бывает с каждой картиной...

— Да, снимаете вы, как известно, долго, и стиль ваш не всем понятен. Но вот что восхищает меня лично. Работаете вы с плоской марионеткой, герои ваших лент скуны на мишуру, не стремятся отыгрывать дикторский текст, когда он есть. Но они, по моему убеждению, совершенно по-настоящему думают, страдают, у них есть гордость, принципы, вера в гармонию этого мира. Как вы относитесь к коренной для искусства проблеме — проблеме героя?

— Герой для меня не побочный компонент. Именно персонаж, а не ситуация являются основным носителем мысли. Чем герой быстрее воспримется зрителем, тем лучше для фильма. Так искали Волчка для «Сказки сказок». Прошло полтора месяца съемочного периода, а персонаж, во имя которого все

делается, не был готов. Начали снимать кадры, где можно было обойтись без Волчка. А появился он мгновенно, неожиданно: сначала хаос, а потом все встало на свои места...

— Что служит источником вашей фантазии?

— Сама действительность. С детства помню валявшийся на мостовой сухой скрюченный лист, по которому лупил холодный колкий снег. Всегда хотелось сделать фильм об этом, воспроизвести врезавшийся в память звук. Отправной точкой для «Цапли и Журавля» была любовь к шуму травы, шороху камыша. Зайчика же в «Лисе и Зайце» вообще просто срисовал со своего племянника. Да не важно, что откуда берется, главное чтобы фильм был интересен.

— Как вы стали режиссером, ведь раньше были художником?

— Патриарх советской мультипликации И. Иванов-Вано взял меня сорежиссером на фильмы «Времена года» и «Сеча при Керженце». Первой самостоятельной работой стала восьмиминутная лента по мотивам стихов и плакатов Маяковского, картин Петрова-Водкина и Дейнеки «25-е, первый день». Фильм делался на наш страх и риск в условиях, не приспособленных для такой технически сложной работы. Но уж очень хотелось выразить свое отношение к искусству 20-х годов, хотя теперь вижу, что подход был довольно наивный. Но в то же время — принеси я туда накопленный теперь груз профессионализма, был бы только отрицательный эффект. А так все рождалось спонтанно, естественно.

Интервью вела
Т. БОГАЦКАЯ.

246